

Литературный МАЯК

№ 6
(256)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот уже и макушка лета... Хорошо ранним июльским утром выйти на влажное от росы крыльцо, вдохнуть вольный, пахнущий травами и листвою воздухом, услышать наполненную птичьими трелями тишину, увидеть розовый шар солнца, встающий над лесным оком...

Туман над полем развеивается, тает. Тявкнула и умолкла соседская собака, петух, который уж раз прокукарекал, и ему откликнулся петух с другого конца деревни... И кто-то очень знакомый идёт по тропе к колодцу, и дужка ведра поскрипывает при каждом шаге... А у огорода стоит, ждёт, как верный конь, велик, которому доступны все дороги и тропки в деревне и вокруг неё!..

Да ведь это сон... Сон о детстве... И память, которая всегда со мной. Есть у меня и крыльцо, и тропка, есть та деревенька, в которой я счастлив!..

Вот я ступаю голыми ступнями на волглые ступени крыльца, на мокрые листья подорожника. Вот бежит ко мне от сарайки лохматый рыже-чёрный щенок. Это всё моё!

Мой щенок, мой друг Колька в соседнем доме, мой папа, моя книга «Дети капитана Гранта», взятая на лето в школьной библиотеке, лежащая сейчас под подушкой...

Я возвращаюсь в дом, отрезаю от буханки горбушку, делаю в середине вмятинку, капаю в неё из бутылки пахучее подсолнечное масло, размазываю пальцем по всему куску, солю и... И мой велик, мой верный конь, уже будто сам звонит в звонок, бьёт копытом, зовёт в путь. И уже выводит своего коня из заука друг мой Колька...

И я снова выбегаю из дома и прямо с крыльца ныряю в счастье!

А впереди ещё огромный июльский день...

Ничто не уходит в никуда. Для того и дана нам память, чтобы всё это было и жило вместе с нами. И если я верю в жизнь вечную, то и всё это вечно: июльское утро, крыльцо, трава...

Да будет так для каждой живой души!

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

Вологодчина готовится к очередным Беловским чтениям «Россия. Вологда. Белов». В этом году активное участие в работе чтений примет и Вологодский район. В преддверии этого события в «Литературном маяке» публикуются материалы, посвященные Василию Ивановичу Белову...

Корень рода

Василий Белов сын крестьянина Ивана Фёдоровича Белова и крестьянки Анфисы Ивановны Беловой.

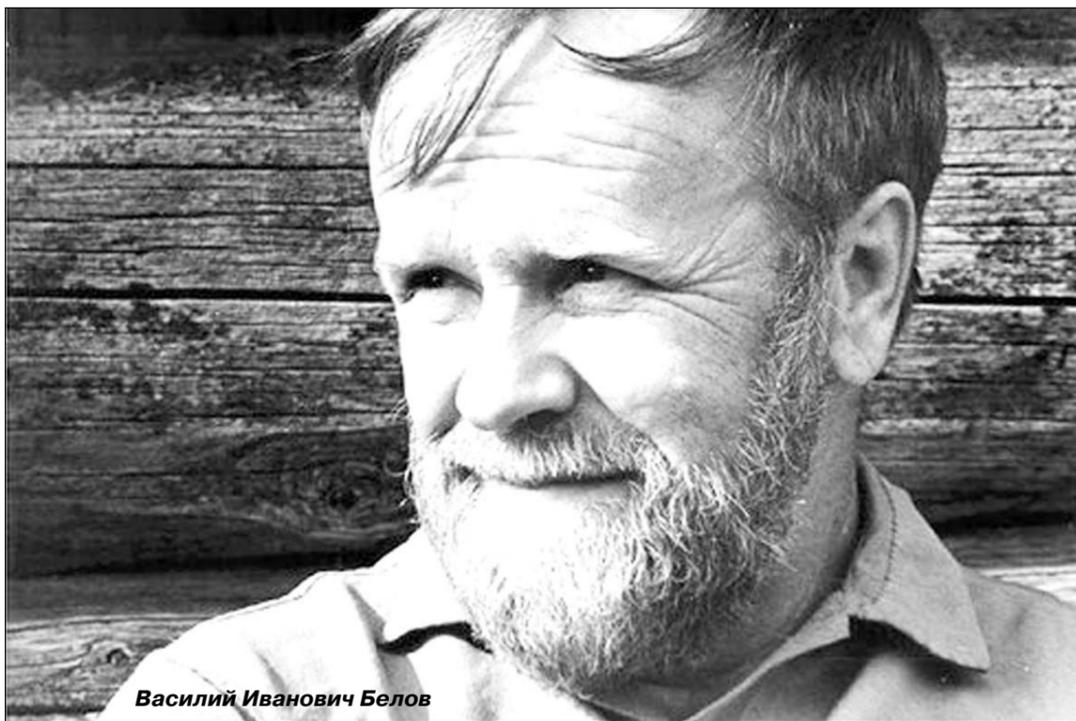
Отцовская линия (установлением родословной занимался сам В. И. Белов) шла от Петра, жившего в 17 веке. У него был сын Иван, звавшийся, разумеется, Петров (это отчество и закрепилось как фамилия). У Ивана Петрова было трое сыновей: Василий, Лаврентий, Савелий. У Лаврентия - сын Фёдор, дочь Наталья. Фёдор женился на Александре. У них-то и родился сын Иван, ставший отцом Василия Белова (и ещё двоих его братьев и двух сестёр).

Именно Иван поменял фамилию, записавшись в школе по деревенскому прозвищу - Белов (я сомневаюсь, что было именно так - что, в школе фамилию не знали? - но везде со слов самого Белова приводится именно эта версия, которую он, видимо, слышал от старших родственников).

С фамилиями вообще путаница. Вот как в повести «Невозвратные годы» пишет сам Василий Иванович: «... предком отца был мужик Пётр, обретавшийся в Тимонихе в допотопные времена. У того досульного Петра был сын Иван Петрович, у Ивана имелось три сына - Савватий Иванович, Василий Иванович и Лаврентий Иванович, то есть мой прадед. У Лаврентия был сын Фёдор, мой дед по отцу. По фамилии Фёдор почему-то числился Колыгиным (так в архивной записи)... Отец в детстве был белый, как зимний заяц. Придя в приходскую трёхклассную школу, он подрастерялся и не назвал быстро свою фамилию: Петров. Записали его в шутку Беловым, а не Колыгиным и не Петровым. Фамилии в наших местах часто заменяли прозвищами».

Так Петров или Колыгин? И благодарение судьбе, что Белов!

Дед по отцу, Фёдор, был убит где-то на строительстве Северной железной дороги, его жена Александра Фоминишна осталась вдовой с тремя детьми

Василий Иванович Белов

Дмитрий ЕРМАКОВ

К родному холму

- сыном Иваном и дочерью Верой и Любью.

Мать, Анфиса Ивановна, из рода Коклюшкиных. У прадеда Михаила Григорьевича был сын Иван (двоюродный дед Василия Белова и его крестный) и дочь Анна.

Анна без мужа родила двоих детей (есть такой боковой сюжет в «Часе шестом») - Михаила и Анфису (мать Василия Белова). Михаил Григорьевич от позора выпроводил из дома дочь с детьми. Она жила в Вологде, там и умерла в 1908 году. Детей власти отправили к деду. Анфисе в то время было менее трёх лет. Белов вспоминает рассказ матери о том, как везли их от деревни к деревне, как ночевали, как кормили их в чужих домах (в каждой деревне был староста, была очередность приёма вот таких, как сироты Коклюшкины). Так в доме деда в Тимонихе и стали жить (это нынче и есть «беловский» дом).

Обе семьи жили в Тимонихе, так что знакомы Иван и Анфиса были с детства. Поженились они в 1927 году. За лето этого года Иван Фёдорович при помощи родни срубил летнюю часть дома, хлев, амбар баню и «зимовку». Причём, плотничала и молодая жена. «Мать моя тюкала топором на одном углу, отец на другом. Он рубил да жену молодую нахваливал», - писал Белов.

В 1929 году (в «год великого перелома») Беловы (Иван, Анфиса и «бабка Фоминишна») вступили в колхоз, который после статьи Сталина «Головокружение от успехов» распался, а на его месте позже был создан новый. Сначала колхоз назывался «Северная деревня», потом была «Четвёртая пятилетка», потом уже «Родина». (Возможно, между «пятилеткой» и «Родной» были ещё какие-то названия. Наверняка, как и везде, было слияние соседних колхозов; первые колхозы были обычно - две, три соседние деревни, потом шёл процесс укрупнения).

Дом

В тысячу лет

Дом, построенный отцом, позже был продан, а зимовка и ныне беловская.

Вот что пишет о доме Беловых Александра Ивановна Мартянова (младшая сестра писателя): «Посреди Тимонихи красуется по сей день дом, построенный мозолистыми руками отца, отличного мастера по плотницкому и столярному делу. Не зря же зимами с артелью строил Москву... Этот дом продан, усечён, перестроен. Зимовочку Василий Иванович откупил, подремонтировал - ради памяти отцовской, ради памяти бабушки, которая всех пятерых тут в зыбке качала. Сени выбрали, и зимовка оказалась

на отшибе. Один автор в западе вещает, что дом, где Василий Иванович с мамой Анфисой Ивановной принимали многочисленных гостей писателя, купил Василий Иванович позднее. Зачем покупать родительский дом?! Здесь мама родилась, училась, вышла замуж... Тут жили мы все и сегодня приезжаем на лето».

В очерке Александра Брагина приведены слова Анфисы Ивановны: «Из этого дома я замуж вышла (о нынешнем беловском доме говорит - Д. Е.). Тёткин дом. Меня, вишь, тётка воспитала... А Васю в тридцать втором родила там... Она указывает на дорогу, где из-за высокой избы выглядывает угол дома, неприличного для Тимонихи, выстроенного из бруса. - Дом-от, как сундук. Мой-то в отходе бывал, плотничал. Где-то углядел эдакий. До того мы с ним в развалюхе жили... А лес высмотрел километров за семь. Вдвоём брус-от пилили. И сюда волочили... Ребят вырастила. Поразъехались они. Кто учиться, кто куда. Тётка померла. Я Васе и пишу: как с домами-то быть - одна я на две избы? Продать разве какой? Вася мне отписывает, мол, как сама решишь, нам дом в деревне ни к чему. Ну, я сундук-то и продала... Вася потом одумался. А было, от деревни-то отрёкся. Теперь вот жалеет, что отцов дом продала».

(Окончание на стр. 10)

Евгений Некрасов - известный вологодский журналист, возглавлявший в своё время «главные» областные газеты: «Вологодский комсомолец» и «Красный север». После выхода на пенсию Евгений Викторович стал активно писать стихи. Впрочем, писал он их и раньше, их даже положительно отмечал Николай Рубцов. Журналистская работа не давала в полной мере раскрыться поэтическому дару, но зато подарила множество знакомств, интересных воспоминаний. В сегодняшней небольшой публикации воспоминания и поэзия органично сплелись...

Евгений НЕКРАСОВ

Стихотворение с историей, но без фотографии

Однажды по пути из Череповца в Вологду я с нашим фотокопиром Аркашей Кузнецовым заехал в деревню Виктора Коротаяева под Шексной. Был уже вечер. Стояло начало лета. В гостях у Виктора был кто-то из поэтов, кажется, Анатолий Передреев. Витка тогда только что женился. Он познакомил нас с Верой.

Всю ночь мы сидели, разговаривали. Разумеется, не «насухо». А потом пошли прогуляться. Лил тёплый дождь, а мы шарашились по деревне.

Утром Аркаша Кузнецов нашёл нас на мокром лугу и сделал прекрасный снимок. Кто-то потом снимок у меня увёл. Да я сам легко раздавал такие реликвии по первой просьбе. Теперь жалею... Вспомнилось. Решил рассказать.

ПАМЯТИ ВИКТОРА КОРОТАЕВА

Всю ночь
в избе не умолкали.
Перевернули дом
вверх дном!
Наперебой стихи читали
и спорили -
зачем живём.
Босой.
В распахнутой рубахе,
умильно тряс ты бородой.
Ты рад был,
что друзья с тобой:
за нас пошёл бы ты на плачу!
Всегда в твоём
огромном теле
преобладал бойцовский дух.
Прохвостов,
не щадя,
метелил
правдивым словом
в прах и пух!
Зато к друзьям -
как дева нежный.
Готов и в воду и в огонь.
Попробуй друга
пальцем тронь -
и проклянёшь ты
век свой грешный!..
Я помню зримо
тот рассвет,
ту деревенскую избу...
Друзья
молили бы судьбу,
чтоб жил ещё ты
много лет!

(Начало на стр. 9)

... Вспоминаю эпизод одной из поездок в Тимонику (где-то в середине 2000-х). В Вологде проходил выездной секретариат Союза писателей, а на следующий день большой автобус вёз писателей со всей России в «ольховую страну», на родину Белова. И было гостевание в Тимонихе, уха и баня (уже новая, отстроенная после пожара). И вот стоит у дома Беловых (дом, доставшийся матери Василия Ивановича от её деда и тётки) писатель Владимир Личутин, фигурой схожий с Беловым - невысокий, коренастый, щурит и без того маленькие глаза, смотрит на стены дома, хлопает ладонью по бревну и говорит:

- Этому дому тысяча лет!
Кто-то, не помню кто, тут же возражает ему:
- Лет сто будет.
- А я говорю - тысяча! - щурит, чуть ли не зло, глаза.
- Да какая тысяча... - растерянно отвечает оппонент, не понимая - смеётся Личутин или всерьёз.
- Тысяча лет! Давайте попросим радиоуглеродный анализ провести...

Спорить с Личутиным бесполезно - тысяча дак тысяча... Для него важно, думаю, было не просто переспорить, а доказать древность (а то и извечность) русских людей на этой земле, богатырей-волотов, которые лишь и могли возвести такие хоромы...

Сам Василий Белов в документальной повести «Раздумья на родине» пишет: «Собственно, детство моё прошло не в этом доме, он не отцовский. Отцовский же дом продан. Этот дом остался нам от бабки Ермошихи. Он, как и большинство старинных северных домов, велик и обширен: пятистенок с шестью окнами по фасаду, с подвалом и с несколькими хлевами и сениками, с въездом и санными перевалами. По подсчётам старожил, дом был срублен ещё до реформы 1861 года, то есть стоит на земле второе столетие».

Фомишна и другие

В воспоминаниях Василия Белова Александра Фомишна (мать отца) вырастает в фигуру эпическую.

«Бабушку все звали Фомишной. То, что она, как и моя мама, осталась вдовой, было, по-видимому, делом отнюдь не случайным: почти все деревенские женщины, которых я помню, были вдовами... Расказывают, что Фомишна, если не очень далеко, то ходила по снегу босиком. Она сама пахала надел. Сама рубила брёвна и ездилась с корьём под извоз... Её утыканная дёгтем (от оводов) лошадь Карюха не раз хрупала сено у коновязи в Бережном на Кубенском озере... Она подняла на ноги моего будущего отца, вырастила и выдала замуж двух моих тёток Веру и Любу. Никто уж не скажет, сколько она накосила стогов, обмолотила овинов, перемыла полов, спалахла полос, срубила дерёв, сколько молока надоила и наметала навозу, напряла кубышек и выткала холщовых станов, сколько перетолкла и перекачала белья, сколько раз истопила печь и сколько испекла пирогов...»

Дмитрий ЕРМАКОВ

К родному холму

Дом В. И. Белова в Тимонихе

Причина смерти бабушки Фомишны тоже необычна для женщины. Во время перевозки на подводах льносемена, когда кормили лошадей, молодая кобыла испугалась, бросилась с возом в сторону и сбила Фомишну с ног, вдобавок и телега проехала по животу. Но она всё-таки свезла мешки на станцию, сдала, вернулась в Тимонику и... прожила ещё несколько лет. Эту историю Белову рассказала тётя Люба, жившая к тому времени в городе Иванове. Сам же Василий Иванович помнил лишь: «Она умерла ночью, я проснулся от самоварного шума, от какой-то суровой ночной торжественности, царившей в нашей избе... Бабушка лежала на лавке недвижная... От чего же Фомишна умерла? Шла война, в деревнях уже кое-где голодали, но до настоящего, подлинно жестокого голода было ещё далеко, он пришёл лишь в 1946 году. Тем не менее, в моём сознании укрепилась почему-то та мысль, что Фомишна умерла от голода или от какой-то болезни связанной с голодом».

Думается, сказался и тот случай, когда проехала по ней телега, и голод, и вся-то трудная вдовья жизнь...

Ещё дорогой человек из детства Белова - Наташа...

«Тётку отца Наташу я почему-то запомнил очень ясно, хотя она умерла, когда мне было всего три года. Не Натальей звали, не Натальей Лаврентьевной, а именно Наташей. Совсем девичье имя, как в толстовской «Войне и мире». Эта Наташа по очереди таскала меня и старшего моего брата Юрика на закуорках по всей деревне. Когда родная бабушка Александра Фомишна ходила к скотине либо отдыхала от круглосуточного дежурства, то и включалась в дело Наташа. Таня - дальняя наша родственница по фамилии Колыгина, подсобляла Наташе в этом деле». Хватило у Василия Белова памяти и доброго слова и на Таню Колыгину...

Вообще, в своих воспоминаниях (начиная с «Раздумий на родине» и до повести «Невозвратные годы») Василий Белов старается, кажется, хотя бы упомянуть всех, кого вспомнит - дальних родственников, соседей, знакомых. Хотя бы назвать их имена, деревенские прозвища, какие-то связанные с

но телами бойцов, а вода в реке Царевич текла бурой от крови...

Однажды я поехал искать братскую могилу, где был похоронен отец. Могила над Царевичем оказалась разрытой и похоронена в яму. Я сорвал с неё пучок осенней травы. Нашёл отца в многотысячном Духовщинском списке воинского захоронения. Но жители Троицкого сказали мне, что из той могилы, что над Царевичем, останки перенесены в село. Я поминал отца на трёх могилах, по очереди...

И так у отца оказалось не менее трёх могил. У бабушки же Фомишны нет ни одной, мы потеряли её в годы своих после-

Могила В. И. Белова

ними случаи... Память, особенно воплощённая в письменном слове, обладает живительным свойством. Так Белов продолжает жизнь этих людей и их и своей родины - деревеньки Тимоники и округи.

Холмы

Иван Фёдорович Белов ушёл на фронт в 1942 году. Восемнадцатого мая 1942 года он писал из госпиталя сестре в Иваново: «О себе скажу, что в Армию был взят в феврале и сразу же был отправлен на Ленинградский фронт. На фронте был 28 дней и всё время в боях. Каждый день наступали, занимали немецкие блиндажи. Ночевали и опять наступали. Не рассчитывал остаться живой, но судьба всё-таки пока улыбнулась...»

Ещё чуть больше года улыбалась военная судьба Ивану Белову... В конце лета 1943 года войска под командованием генерала Ерёмченко заняли плацдарм на берегу смоленской реки Царевич...

В документальной повести Белов безжалостен к генералу, ставшему позже маршалом (возможно, что и не вполне справедливо, но не мне судить): «У нас не было недостатка в живой силе», - пишет маршал в своей книге воспоминаний. Генералом Ерёмченко было решено взять Духовщинский укрепленный район без танков и артиллерии. Тройная линия вражеской обороны была сделана с немецкой основательностью. Обширное поле перед селом Троицким, как рассказывали мне очевидцы, местные крестьяне, было сплошь, словно снопами, устла-

военных скитаний. Сначала сгнил и упал крест, потом срылся и могильный бугор. И сейчас я тщетно ищу это место, ищу и не могу найти...» («Невозвратные годы»).

Вспоминаю его же, Белова, рассказ «Холмы». «Вдруг его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль... Здесь, на его родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в неё, словно стесняясь женского общества и зелёного этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то, долго ли было сменить граблевище на ружьё, а сенокосную рубаху на защитную гимнастёрку? Шли, торопились будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей...

Ушли, все ушли под сень памятников на великих холмах. Ушли деды и прадеды, ушёл отец. И ни один не вернулся к зелёному родному холму, который обогнула золотая озёрная подкова, в котором лежат их жены и матери. И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончается даже в земле...

А может быть, придёт и его черёд? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродимым холмам?»

Василий Белов вернулся к родному холму, лёг рядом с матерью, рядом с потерянной могилой бабушки Александры Фомишны...

Случилось это поздней весной, когда всё кругом утопало в зелени, одна только сирень белела гроздьями, словно после снегопада. Под ней-то и крутились мы с Мишкой - велосипед ремонтировали. И от жары заодно спасались, так, на всякий случай. Когда жара спала, а велосипед починился, мы с Мишкой обрадовались. Потому что теперь можно было хоть на край света мчаться.

Ну, пока Мишка педалями крутит, я на багажнике просто так, без дела, болтаться не буду, я главным следопытом стану... И только Мишка на пригорок вырлил - пожалуйста, лежит-валяется посреди дороги соседский кот Барсик, чёрный-пречёрный от усов до хвоста. Да ещё и хвостом играет - то схватит его лапами, то нарочно выпустит - погулять ненадолго.

- Давай, - говорит Мишка, - его обведем. Может, он и не подумает дорогу нам перебежать?

- Нет уж, поехали в другую сторону. Нечего и связываться! Забыл, что ли, как с горы на велосипеде свалились, а потом дома ещё попало за рваные штаны? Или как мячом стекло разбило и потом две недели грядки пололи в наказание? Своих даже не хватало, пришлось соседские прихватить... Думаешь - он здесь случайно появился? Давно ты шишек не хватал...

Мишка как-то настороженно посмотрел на себя в велосипедное зеркальце, но спорить со мной не стал, видимо, без царапин и синяков нравился себе значительно больше. И он развернул велосипед и помчался в другую сторону - искать безопасные приключения.

ФОНАРИК

страница творчества
детей и для детей

Светлана ЧЕРНЫШЕВА

Лидка на калитке

«Ух ты!» - даже слишком облегчённо выдохнул я, подпрыгивая на багажнике. Всё-таки, Мишка-молодец, не стал с Барсиком связываться. Мало ли?..

Но тут он резко затормозил и остановился как вкопанный. От таких трюков я чуть в траву не свалился, а потом - ничего, удержался. И загляделся. Кругом было очень красиво. Пели соловьи, и необыкновенно пахло молодой весенней травой. Мишка стоял, и улыбался очень глупо, и что-то бубнил себе под нос.

- Ты чего шепчешь? Может, весной передышал?

- Ничего не передышал, - пробурчал он. - Я Лидочку на калиточке заметил.

Первое время я его бредни терпеливо слушал, а потом, простите-извините, взорвался. И загрохотал от всей души. Сами представьте, на огородной скрипучей калитке качалась - туда-сюда, до

боли в ушах - самая обыкновенная Лидка. Сперва она просто глазки строила, для того, чтобы Мишке понравиться. А потом и подзывать при-

нялась, вроде как, что-то случилось...

- Стой, - говорю, - сам разберись. Не хватало ей тебя таким глупым увидеть!

И побежал, чтобы Лидку на калитке поильнее раскатать. Улетит, как миленькая, в страну Оз. И только я к калитке подскочил, как она - прыг на землю, и давай меня зелёными глазами заколдовывать.

- Здравствуйте, - говорит. - Не можете ли найти мою улитку? Мы с ней вместе качались: я - на калитке, а улитка - на травинке.

Ладно, помогу, если нужно. А когда я всю траву оползал и внимательно рассмотрелся, так и ахнул. Потому что на самой высокой и тоненькой травинке качалась изумрудная улитка, невероятно удивительная. Нашёл!

- Спасибо! - сказала Лидка и ушла, сорвав травинку вместе с улиткой.

А я - остался! Всюду пели соловьи, и дурманила запахом весенняя трава. Возвращаться к Мишке было почему-то стыдно.

- Прости, - сказал я своему лучшему другу. - Вместо того чтобы раскатать Лидку на калитке, я целый час искал для неё улитку. И нашёл!

- Красивая? - спросил Мишка. - Изумрудная...

И Мишка взъерошил мне чёлку - мол, поехали, балбес. Он хотел ещё что-то сказать, но я его перебил.

- А давай в следующий раз никуда не сворачивать! Что нам дыры на штанах или наказание работой?.. Чёрная полоса проходит, а дружба остаётся.

Но Мишка ничего не ответил. Он просто крутил и крутил педали, а я сидел позади. Кругом было солнечно и зелено, лишь белая сирень невероятно красиво напоминала о зиме.

Оксана Клёкова учится в Новленской средней школе. Занимается в клубе детского чтения и творчества «Ключик» при школьной библиотеке. Предлагаем читателям стихотворение Оксаны...

Оксана КЛЁКОВА

Как хорошо в лесу весной!
Там пахнет свежей травой,
Там птички песенки поют,
И ручейки рекой текут.

Нектар там пчёлы собирают,
Медведи по лесу гуляют.
Зайчата прыгают в траве,
Сова весь день

сидит в дупле.

Берёзы, сосны и рябины,
Дубы в лесу растут и ивы.
Там много ягод и грибов,
Лужайки полные цветов!

Давайте вместе лес беречь!
Не мусорить,

костры не жечь,
Пусть будет чистой река,
И свежий воздух

в облаках.

Андрей Муравьёв живёт в посёлке Непотягово, учится в Спасской средней школе, вместе с другими ребятами из своего класса Андрей занимается в клубе детского чтения и творчества, организованном в Непотяговском библиотечном филиале. Публикуем первый рассказ юного автора и желаем дальнейших творческих успехов!

Андрей МУРАВЬЁВ

Из России в Китай рассказ

Однажды я вышел гулять и увидел моего друга Петьку Гусева. Я спросил его:

- Петька, а ты чего делаешь? Он говорит:

- Я копаю.

- А зачем копаешь?

- Я хочу научиться кун-фу.

- Так зачем копаешь-то?

- Ты что, не знаешь, что если копать из России вниз, то можно попасть в Китай? Я в книжке читал, - ответил Петька.

- Да ты врешь! - сказал я.

- Не веришь? А пошли у твоей мамы спросим.

- А давай, - сказал я.

Мы пошли и спросили у мамы можно ли попасть в Китай, если копать вниз из России. Мама ответила: «нет», потому что в центре планеты Земля огненное ядро.

Петька расстроился, что он не научится кун-фу.

Я сказал Петьке:

- Не расстраивайся, пошли на горку!

Ольга СМЕРНОВА (г. Вологда)

Чем пахнет лето?

Лето пахнет
земляничкой,
Тёплым
дождиком,
клубничкой,
Пахнет лето
огурцами
И душистыми
цветами,
Серебристою
рыбёшкой,
И прохладною
окрошкой.
Лето пахнет

синим морем
Хвойным лесом,

чистым полем,
Яблоками и грибами,
И созревшими хлебами,
А ещё пчелиным мёдом,
Увлекательным походом,

Мятой, клевером, полынью,
Ароматом груш и дыни.
Много запахов у лета,
Не расскажешь

до рассвета.

Лето очень вкусное
И ничуть не грустное!

Татьяна Осипенко живет в Шексне. Её стихи - своеобразный поэтический дневник, прочитаем несколько страниц этого дневника души...

Татьяна ОСИПЕНКО
(п. Шексна)

**«Времени
теченье...»**

ПОЛНОЛУНИЕ

Мир огромен, мы - его частицы,
Каждый путь проходит
неизменный.

Лунной ночью
мне опять не спится -
Слушаю я шорохи
Вселенной...

Шар Луны
отметиной на небе,
Ночь окутана
таинственным свеченьем,
Тихо... Наяву всё или небыль?
Чутко слышу времени теченье...

О ПОЛЁТЕ ГАГАРИНА

В ботинках новеньких
с рантом,
Средь улицы одна,
Девчонка с розовым бантом
Стояла дотемна.

Летел Гагарин над Землёй...
Девчонке той - шесть лет,
И помахать ему рукой
Она мечтала вслед...

Не ведала, что в этот миг
Открылся новый век:
Впервые космоса достиг
Наш русский человек!

**ВОССТАНОВЛЕННЫЙ
ХРАМ**

Купается храм голубой,
В лазурном плавёт
поднебесье,
Мой край охраняет родной
И гонит долой мракобесье...

Он много всего повидал:
Воину, нищету, разоренье,
И годы в руинах стоял,
Надолго был предан забвенью...

Другие пришли времена,
И слышно повсюду окрест,
Как после глубокого сна
Победно звучит благовест!

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

На ветру качается
Белая сирень,
Что-то сердце мается:
Хмурый, хмурый день...

Ветви белопенные
Каждою весной
Тайно сокровенною
Делятся со мной.

Обломаю веточку,
Принесу домой,
И природы весточка
Мир украсит мой.

От мирской суеты отрешусь:
Мне так нужен
глоток благодати!
В тишине обо всех помолюсь,
Призову Богородицу Мати...

В этот миг станет мир
чуть добрей,
И Господь, знаю,
слышит молитву,
Среди туч Свет
видней и видней -
И со злом продолжает
Он битву...

Василий Зозуля родился 28 декабря 1969 г. в станице Павловской Краснодарского края. В 1986 году с родителями переехал в Нижневартовск Тюменской области, где и проживает по сей день, работает в нефтегазовой отрасли. В 2010 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького, публикуется в региональной и столичной печати.

Жара! Над стойким лютиком
ворчит здоровенный полосатый
шмель, цепляется лапками
за лепестки и жадно лезет
внутри цветка.

Колька Зуб, семилетний паренёк,
взяв тонкий сухой побег
вишни, пытается играть с медосбором.
Шмель ворчит сильнее и лезет
собрать остатки нектара.

Ему нравился такой подход к
делу, когда можно было, и работать,
и отдыхать попеременно с
другом.

- Ничего я не бормочу. Просто
считаю сколько ведер в неё
влезает.

- Двадцать пять под горлышко.
Можешь не считать. Проверено
и перепроверено.

Василий ЗОЗУЛЯ(г. Нижневартовск)

Брат вернулся!

Кольке делать пока нечего. Он лежит на животе в бурьяне и болтает в воздухе ногами. Мать ушла после обеда в колхозный коровник, а перед тем успела дать ему наказ: натаскать в кадущку воды для вечернего полива огорода. Но Колька медлит с исполнением этого строгого материнского пожелания. Он ждёт какого-то события, а оно всё не наступает и не наступает.

И тут, рядом с ним, в пыльный спорыш прилетела винтовочная гильза, лютикового цвета. Колька обернулся. Опираясь на облезлый штакетник, в синей сатиновой рубашке стоял Ромка Малышев.

- У тебя что, прицел сбился, что ты, как кривой мажешь? - спросил Колька, радуясь, что теперь в скучный день может случиться что-то хорошее.

- Я могу повторить. Тогда тебе по кумполу прилетит.

- Не надо. Чего пришёл?

- Знамо дело, за тобой. В карьер пойдёшь на стрельбы? - Ромка нащупал в кармане перешитых матерью отцовских штанов, винтовочные патроны.

- Пацаны туда подтянутся... - Не могу сейчас.

- Опять тебе лень подняться?

- Ну да, лень. Нашёл тоже мне ленивого. Кадущку вишь у яблоки?

- Кивнул головой в сторону сада Колька.

- Ту, чё ли?

Ромка приложил к бровям козырьком руку. Солнце било в глаза, как прожектор на колхозном дворе.

- Ага.

- Вижу.

- А колодец? - продолжал спрашивать Колька.

- Ну тоже, вижу, - повернул голову Ромка в сторону середины двора.

- Понял, чё надо делать?..

- Воды чё ли натаскать?..

- Догадался не запыхался. Надо!

- Потом наносишь.

- Ага, спасибо. Потом будет суп с котом. Мне мать такого не спустит. Поможешь?.. Тогда пойдём.

- Ладно, помогу не переломлюсь.

Ребята без суеты, зная, что и как делать, принялись за работу: Колька крутил колодезный ворот, поднимая ведро с водой, а Ромка относил его к кадущке.

Опрокидывая ведро внутрь дубовой бочки, он невольно считал свои подходы.

- И чего ты там под нос, как старый дед бормочешь? - спросил Колька, загорая на солнце.

- Это много - погрустнел Ромка, понимая, что поторопился он со своей помощью другу.

- Много, - подтвердил Колька и решил подзадорить упавшего духом старого товарища: - А я, знаешь, сколько руки обрывал?

- Сколько?

- Да столько, сколько ты картохи не съел! Вот сколько!

- А чего ж тогда, они у тебя такие худые?

- Не худые, а жилистые. В жилах сила и есть. Понятие должен иметь.

- Я так спросил, - пожал тощими плечами Ромка и, зацепив ведро пристяжным карабином за цепь, опустил его в колодец.

Кадущка наполнялась сверху медленно.

- Была бы у нас тут рядом водокачка, - мечталось Кольке, который сменил Ромку в таскании бесконечных ведер, - мы бы эту бочку налили бы в два счёта.

- Так тебе и дали набрать воду из колхозной водокачки. Шею бы точно намылили... Сколько там осталось?.. - спросил Ромка, чувствуя, что силы вот-вот могут его оставить, смена занятия несколько не облегчила его участь, вращать ручку колодезного барабана тоже было трудно.

- А, кажись, последнее... - выдохнул Колька.

Он вылил ведро в кадущку и опустил лицо в холодное зеркало, став пить колодезную воду. Ледяная прохлада освежила его. После пары больших глотков, фыркая, Колька поднял голову от кадущки.

- Ты и конь! - изумился Ромка.

- Сам такой! Пить будешь?..

- предложил Колька, протирая мокрые глаза тыльной стороной ладони.

- Обойдусь, а лицо умою.

В карьере, где станичники брали глину для построек,

собралась полдюжины ребят-тишек. Кольке и Ромке они были знакомы. Жили пацаны на соседних улицах. Самому младшему Петьке Орлу недавно стукнуло шесть, а старшему Сашке Будко - тринадцать. Двум братьям Бокаловым - Гришке и Тимофею - по восемь, а другим - Олегу Фоменко и Женьке Суворову - по десять.

Спустившись вниз к друзьям, Колька и Ромка увидели, что стрельбы из трофейной винтовки не будет.

Перед мальчишками лежала на плоском бульжнике немецкая мина.

- Чего вы хотите с ней сделать? - спросил Колька, подтягивая не желающие держаться на поясе штаны.

- Разобрать, - спокойной сказал Сашка и ловко подкинул в руках ржавый слесарный молоток.

- Мину разобрать молотком? - удивился Колька.

- Да запросто! Я их знаешь сколько так поразбирал, чтобы тротил вытопить, - похвалился Сашка. - Если не откручивается эта крышка, то по ней надо с боку постучать молотком и выкрутить конус, а потом делай с ней, что хочешь.

- Тротил кипятком вытапливают на водяной бане, - подал голос Ромка.

- Точно! У нас дед так из снаряда мыло добывал, - вспомнил молчаливый Гришка.

- Хочешь попробовать? - спросил Сашка протягивая Кольке молоток.

- Ну, можно.

Колька взял молоток, повертел его в руках, чувствуя его тяжесть. Измазанная глиной немецкая мина была похожа на

перевёрнутую миску.

- Я пробовал - крышка не откручивается; заржавела, наверное, - пояснил Сашка.

- Не рванёт? - спросил Тимофей, глядя через плечо брата.

- Она противотанковая. Это противопехотная опасная. На неё если наступил, то всё - каюк!

- возразил Сашка и подстегнул Кольку: - Чё ты на неё смотришь? Она ж не кусается. Бей смело сбоку по барашку.

- Колян, а Колян! - раздался крик с веру карьера.

Ребята обернулись. К ним бежал Юрка малой, Колькин сосед.

- Чё тебе, Юрец-огурец!

- Сам ты огурец-холодец! Твой брат с фронта вернулся, живой!

Юрка подбежал к ребятам и остановился, переводя дух.

- Это точно?! - не веря счастью, спросил Колька.

- Он меня сам послал.

- Пацаны, я пошёл... Лёня живой!

- сказал Колька, отдавая молоток Сашке и тут же обратился к Ромке: - Ты со мной, или остаёшься?..

- Вечером зайду.

- Как хочешь. Бывай!

Колька положил руку на плечо Юрке и бросился с ним бежать домой.

Молоток снова оказался в руках Сашки. Глядя на притихших друзей, спросил:

- Чего носы повесили?

- Везёт же Коляну, брат у него вернулся... - вздохнул Женька, - а у меня на бату, только похоронка...

- Похоронка и у меня на старших братьёв есть, но я их жду. Раз брат у Зуба с войны пришёл, то и наши вернуться. Надо ждать. Глядите, как у этой фашистской гадюке, на раз башку отверну...

От взрыва в карьере Колька и Юрка присели, закрыв голову руками.

И сразу, к ним, за бугор, с комьями земли прилетели мокрые клочки синей ткани.

Звон в Колькиных ушах был нестерпимый, как будто ему по голове колотушкой.

Юрка мигал глазами и шептал: - Мама, мама...

Колька ничего не говорил. Синие лоскуты он узнал. Не думая, и не поворачиваясь к карьере, он сжал в кулак один из мокрых лоскутов. Горько-кислый запах стоял в воздухе. В его ушах продолжало звенеть, но сквозь этот звон начинал слышаться голос жаворонка в безоблачном лазурном небе. Глупая птичка пела и пела о своём коротком счастье, видя с высоты: и чёрное дно карьера, и оглушённых мальчишек у наезженной грунтовой дороги, и людей, бегущих от хат на звук беды.